

18+

АРТЕМ БЕЛОВ

ЛЕГЕНДА
О ЗИГФРИДЕ

Артем Белов
Легенда о Зигфриде

«Издательские решения»

Белов А.

Легенда о Зигфриде / А. Белов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981369-5

Профессор Энгелен получает письмо на электронную почту; оно ничем не отличается от всех остальных, которые приходят на его рабочий адрес каждый день, но в поле «от кого» значится имя старого знакомого. Он давно не выходил на связь, а теперь внезапно объявился, рассказав о кургане, который нашел в норвежской глуши.

ISBN 978-5-44-981369-5

© Белов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Легенда о Зигфриде

Артем Белов

© Артем Белов, 2020

ISBN 978-5-4498-1369-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В век информации то, что еще полвека назад могло показаться магией, стало реальностью. И речь даже не о виртуальных мирах, напечатанных органах и лекарствах, опасно приближающихся к понятию «панацея». Простой электронной почты порой достаточно, чтобы магическим образом стереть десятки тысяч километров единственным щелчком компьютерной мыши. Однако мы так привыкли, что подобная «магия» прочно вошла в нашу жизнь, что профессор Олаф Дитлев Энгелен ничуть не удивился и не поразился могуществу технологий, когда увидел очередное письмо на электронном почтовом ящике. Если обладателей электронных адресов все-таки можно назвать немножко магами, то Олаф, вероятно, был одним из самых скучных чародеев современности. Его адрес состоял из имени, значка «собака» и названия почтового сервера университета Осло.

Скучный волшебник не потрудился даже прочесть письмо, сперва просто махнув рукой – оно высылось еще одной горсткой пикселей среди десятков таких же от самых разных адресатов, так и оставшихся с пометкой «новое». Когда работаешь профессором кафедры культуры и истории, колодец свободного времени пересыхает быстро, особенно на рабочем месте; дома же читать электронные письма – плохой тон и вообще неразумно. Дома, по традиции, нужно становиться недоступным для всех рабочих контактов, чтобы не дай бог не поработать лишние пятнадцать минут.

Но что-то вдруг завладело вниманием профессора Энгелена. Он сначала бегло прочел тему письма. Вслух прочитал фамилию автора. Нахмурился и сунул в зубы и так порядком обгрызенный карандаш. Ему жуть как не хотелось бросать дела и бумаги, прерывать написание очередного труда, призванного поставить его имя в одну строку с крупнейшими историками планеты, но фамилия виртуального собеседника была не из тех, которые пропускают. Тем более, что между ними пролегли не десятки тысяч километров, а всего-то меньше сотни.

– А, черт с тобой. Чего там у тебя?..

На секунду задумавшись, компьютер предоставил Олафу полный текст письма, укоризненно выделив жирным остальные сообщения, которые остались непрочитанными за сегодня. В графе «от кого» значилось «Ламберт Ван дер Мер», а текст заставил бы заволноваться любого историка, тем более такого калибра, как профессор университета Осло.

«Дружище! Давно не переписывались, не созванивались, и уж тем более не виделись – но, поверь, на то была причина. Мы тут напали на след чего-то очень важного прошлой осенью, и работали не покладая рук весь год. Прессе пока ничего не говорим и никого не пускаем, но появилась одна проблема. Видишь ли, мы с коллегами по экспедиции, может, копаем и хорошо, но в истории и культуре сравниться с такой шишкой как ты нам не по зубам. Есть у нас свой историк, Андерс Ольсен, но ты его, вроде бы, знаешь – он горазд только байки травить.

В общем, Олаф, мы нашли курган. Забрались в такую глушь, в которой ты в жизни не бывал. Думали, просто холм, но потом Шарлотта решила проверить – и, представляешь, мы нашли погребальную камеру. С подношениями, костями, все как положено. Сам знаешь, что это значит. Сенсация, друг! Сюда ни одна экспедиция еще не приходила! Но из-за того, что историк наш не самый опытный и знающий, мы не можем все систематизировать и идентифицировать как следует. С дарами и подношениями он разберется, но есть кое-что еще, на что тебе следует взглянуть. Все карты раскрывать не стану – мало ли, кто читает твою почту...

Я тут в экспедиции хвастался, что мы один и тот же университет заканчивали, пусть и в разное время, и они меня чуть не в слезах просили с тобой связаться. Очень уж не хочется такой куш упускать. Мне с этого – всемирная известность, а ты столько диссертаций сможешь написать, что больше никогда в жизни не придется покупать туалетную бумагу. Я пока что

пищу с компьютера зрителя на железнодорожной станции, в Гульсвике. Знаешь, где это? Долго я у них интернет отнимать не смогу, а на раскопках связь не ловит совсем. Так что жду твоего ответа, друг. Ты нам тут жуть как нужен. Постарайся ответить сегодня, максимум – завтра. Дело горит. Ламберт Ван дер Мер.»

Олаф заинтересовался. Стрел в сторону всю ту макулатуру, которой завалил рабочий стол, пытаясь найти погребенную под ней клавиатуру. В то же мгновение за матовым стеклом двери его кабинета появилась неясная тень. В кабинет вошел его ассистент, Герхард, вечно жующий, но, парадоксально, вечно голодный.

– Профессор Энгелен, я сейчас сбегая до Долли Димплз, хочу взять что-нибудь. Обед скоро. Вам что-то прихватить?

Олаф задумчиво перебирал пальцами над клавиатурой и даже не посмотрел в сторону ассистента. Лишь скорчил гримасу и помотал головой.

– Ладно, нет так нет. Буду минут через десять!

Профессор пропустил слова молодого специалиста мимо ушей. Он размышлял, вспоминал живое, вечно смеющееся лицо Ламберта. Олаф познакомился с ним лет двадцать назад, как только Ван дер Мер перебрался в Норвегию из Голландии. Профессор перечитал письмо три раза, прежде чем открыть в интернете карту и найти Гульсвик. Маленькая деревушка волею судеб оказалась там, где проходил ураган «Ламберт». На своем пути он сметал обычно все до последней пылинки, а в этот раз умудрился не только найти курган, но еще и не повредить содержимое. А оболтусу Ольсену даже удалось что-то опознать! Олаф покачал головой: удивительно, как подношения и старинные артефакты просто не рассыпались у Ольсена в руках...

Профессор заложил руки за голову и откинулся на стуле; прикусил карандаш так, что заныли зубы. Если Ван дер Мер не преувеличивает, то ведь это и правда сенсация! Оставалось только надеяться, что у экспедиции была не только договоренность с правительством, но и местными. Потому что у Ламберта уже возникали проблемы с законом, когда его чуть ли не упрятали за решетку за «мародерство». Адвокат его вытащил и разрешение на раскопки все-таки выдали; теперь же Ван дер Мер появился из ниоткуда, воспрянув, как феникс, из глубин интернета. Олаф выплюнул карандаш на стол и поцокал языком. Курган... судя по всему, немаленький. Историческая находка! Олаф Дитлев Энгелен мог стать тем самым профессором, который явит миру удивительные артефакты прошлого и приоткроет завесу тайны над историей родных земель. Соблазн пожирал его живьем. Олаф не любил менять заранее продуманные планы, не любил сюрпризов, внезапных гостей или неожиданных поездок, и все внутри него кипело от возмущения и предвкушения одновременно.

Наконец, профессор крутанулся на стуле и подкатился к календарю. На нем синим маркером было размечено расписание всех встреч, конференций, слушаний и лекций. Олаф нерешительно взял тот же самый маркер и повертел его в руках. Похоже, пару важных событий придется отменить... Но ассистент справится и сам. Олаф поднял трубку телефона и набрал короткий внутренний номер.

– Привет, Ян. Да, я. Да, по делу, знаю, что обед! Послушай, тут такое дело... нужно выписать командировку. Да. Да. Очень важно. Ты же меня знаешь, если бы я хотел отсидеться дома, то так бы и сказал! Серьезно. Да. Спасибо! Я у тебя в большом долгу.

Профессор положил трубку и вернулся к компьютеру. Невидимый Ван дер Мер под личной простого электронного письма терпеливо ждал решения знаменитого историка. Олаф еще раз прочитал длинное послание. В ответ написал не менее содержательный ответ:

«Приеду».

Поезд плавно вез Олафа в неизвестность, и профессор задумчиво смотрел в окно, закинув ногу на ногу. Погода не радовала с самого утра; табло в поезде показывало всего-то плюс семь, а мелкий, противный дождик покрывал окна мокрой пеленой. Профессор подумал

с досадой, что зря так вырядился, одев свое лучшее пальто и шляпу – красоваться у кургана ему бы точно было не перед кем. Впрочем, он не рассчитывал задерживаться надолго. Всего лишь посмотрит на находку, оценит и вернется в Осло за инструментами, записями и прочими необходимыми вещами. Профессор Энгелен заглянул в сумку. Там притаился исписанный блокнот, старенький планшет, документы и ручка, практически без чернил.

– Желаете чего-нибудь, мистер? – елейным тоном произнес проводник, развозивший чай и сладости.

– Нет, благодарю, – улыбнулся профессор, чувствуя, как недовольно жужжит в нагрудном кармане сотовый телефон.

Олаф взглянул на притушенный экран. Ван дер Мер.

– Слушаю!

Ответ прозвучал глухо, словно голову археолога обмотали мокрой тряпкой; шуршание и скрипы мешали разобрать хоть словечко. Из пучины помех внезапно прорвался голос:

– ... видел твоё письмо, Олаф. Здорово, что приедешь! Команда будет довольна. Поверь, оно того стоит.

– Плохо слышу тебя, Ламберт! Что там у тебя происходит?

– Ничего, просто я нахожусь там, где обычно люди по телефонам не говорят. Когда будешь?

– Уже еду. Часа два, наверное, осталось. Встретишь на станции?

– Конечно. Я подъеду.

Профессор Энгелен провел рукой по седым волосам, заплетенным в хвост. Почесал бороду. Выудил двумя пальцами планшет из сумки и открыл файл с книгой, которую давным-давно бросил на середине. Не то чтобы она была скучной, вовсе нет, просто Олаф по праву слыл человеком крайне занятым. И он считал, что делал Ван дер Меру большое одолжение, соглашаясь приехать в отдаленную деревушку только ради сомнительных рассказней о несметных сокровищах и всемирной известности. Олаф многое ставил на кон, помогая голландцу, и ему оставалось только надеяться, что тот ни в чем не преувеличил. А внутреннее чувство, которое Энгелена еще никогда не обманывало, подсказывало, что преувеличил Ламберт немало. Дождь не ослаблял хватки, но и не усиливался, оплетая поезд водяной паутиной. Он то ли гнался за профессором, то ли профессор сам запутался в тенетах дождя. А посреди паутины сидел хитрый паук Ван дер Мер и потирал лапки. Перелистывая очередную страницу, профессор вздохнул и сморщил нос. «Прошу, пусть у него будет разрешение на этот раз», – подумал он с досадой.

Спустя полтора-два часа поезд затормозил на железнодорожной станции Гульсвика. Вслед за теми немногими, кто медленно потянулся из поезда, профессор Энгелен вышел в промозглый и холодный норвежский вечер. Уже потихоньку начинало темнеть, и компанию моросящему дождю составил ледяной северный ветер, безо всяких усилий продувавший пальто Олафа насквозь. Профессор поежился, натянул потуже шляпу и, сжимая перед собой сумку, побежал на станцию. Внутри оказалось тепло и сухо; только пара сонных пассажиров да продавец газетного киоска населяли небольшое помещение. Отряхнув капельки воды с драпа пальто, Олаф огляделся. Ван дер Мер возник словно из-под земли, угрожающе приближаясь с раскрытыми для объятий ручищами; одет археолог был по-походному, а черные взъерошенные волосы на висках успела тронуть седина. Пышные усы выглядели так же, как и три года назад, во время последней встречи ученых – тогда Олаф даже и помыслить не мог, в какие истории горазд попадать Ламберт.

– Олаф, мой добрый друг! – Ламберт заключил профессора в медвежьи объятия, и Энгелен осклабился, мягко отстранив археолога в грязной куртке. – Ты чего так вырядился? Не на официальный прием же собираемся! Ну что, как дорога?

– Сносно, – Олаф картинно поправил воротник и снова осмотрелся по сторонам, ловя взгляды всех вокруг – если ты не против, я хотел бы побыстрее отправиться на место. Насколько я знаю, мне выдали «отпуск» только на пару дней, и если я не явлюсь послезавтра, то придется снова с Яном собачиться.

– Старый ворчун все еще ректор, а? – подмигнув, Ламберт похлопал Олафа по плечу. – Все готово. Моя машина стоит снаружи. Ехать будем где-то часа три, да еще и по бездорожью, так что, надеюсь, ты взял что-нибудь почитать.

Энгелен разочарованно выдохнул. Он дочитал книжку по пути сюда и каким-то образом совершенно позабыл, что курган расположился не в Гульсвике.

– Идем, – Ван дер Мер накинул капюшон и вышел наружу.

Изморось, в страхе разбегавшаяся перед могучим ветром, стлалась туманом по земле и кронам деревьев, напоминая профессору о мгле, что стелется над кладбищами; ледяные капли, как иглы неотвратимой зимы, сковывали по рукам и ногам, проникали сквозь всякую одежду, морозили сердце и подрывали и так слабое здоровье Олафа. Ван дер Мер пингвиньей походкой направился к старенькому черному пикапу, заляпанному грязью от колес до крыши. Шмыгнув носом, Энгелен залез следом, захлопнув дверь и тут же пристегнувшись.

– Ну что, – Ламберт завел машину, и та натужно загудела, – немного потрясет. Думаю, солнце уже зайдет, как доедем, или будет на краешке горизонта висеть.

– Какое солнце? Весь день поливает... Курган этот ваш в лесу? – поинтересовался Олаф.

– Да, среди деревьев. Почти у самого края; за ними – берег и озеро. Холодное, с ума сойти!

– Еще бы... осень вообще-то, – проворчал Олаф, – купаться вроде не собираемся.

– Как работа? – Ламберт оглянулся, проверяя, нет ли позади машин. – Все тем же самым занимаешься, бумажки перекладываешь с одного места на другое?

– Лучше, чем в грязном пикапе кататься по такой погоде, – огрызнулся профессор, – будь добр, Ламберт, порадай меня. Скажи мне, что в этот раз у тебя с документами все в порядке.

– Какими документами?

– Как это – какими? Разрешение на раскопки и все остальное!

Ван дер Мер махнул рукой.

– А, да сделаем! Я же не виноват, что курган нашелся до того, как мы все уладили с властями...

– О, Боже... – профессор закрыл лицо руками.

– Да не переживай, никто не узнает. Ну что нам, в самом деле, сидеть нужно было на этом кургане, пока разрешение не дадут? Ну, копнули немножко, ну, нашли пару интересных вещиц... бывает!

– Не бывает. Тебя опять заташат в суд, помани мое слово, и в этот раз все точно окончится тюремным сроком.

– Не ворчи. Ты же им не скажешь, верно? – Ламберт снова оглянулся, щурясь и хмурясь.

– Чего ты там высматриваешь все время? – Олаф проследил за взглядом археолога.

– Ничего... наверное. Не знаю. Чувство у меня странное, как курган мы нашли. Знаешь, как будто в спину кто смотрит.

Профессор лишь пожал плечами. Какое-то время пикап тащился по дороге, разбрызгивая лужи, а тучи становились чернее и чернее с каждой минутой. Тяжелая сталь неба готова была обрушиться настоящим дождем, а мрачная морось оказалась только прелюдией. Справа на пути показались лесозаготовки, а на дороге стали попадаться позолоченные и багряные дубовые листья. Профессор Энгелен молчал, погружившись в мрачные мысли о проблемах с законом и разрешениях, а Ламберт Ван дер Мер прибавил громкости радио.

– ... ожидается сильный ветер и обильные осадки. Температура ночью обещает упасть до нуля градусов по Цельсию.

– До нуля, – присвистнул Ламберт, – хорошо, что у нас есть печка.

Пикап резко свернул на бездорожье и сбавил скорость, меся колесами грязь. Чем дальше уползала дорога в зеркалах заднего вида, тем тише становился голос диктора и громче – помехи. Вскоре из динамиков лился один лишь белый шум, не нарушаемый ничем. Ламберт выключил радио и взглянул на экран мобильного телефона.

– Связь еле держится. Еще немного – и совсем пропадет. И почему курганы не насыпали там, где есть вай-фай?

Профессор Энгелен тоже бросил взгляд на телефон. Нет сети. Дождь пошел сильнее, забарабанив крупными каплями по лобовому стеклу; пикап выехал на каменистую местность, и его затрясло, словно на аттракционе. Дворники едва справлялись с потоками воды.

– А я удивляюсь, – проворчал профессор, стуча зубами, – как ты умудряешься находить все не летом. Хуже погоды для раскопок не придумаешь.

– Да уж, тут ты прав, – Ван дер Мер поджал губы.

С полчаса прошли в молчании. Камни сменились деревьями, и Ламберт лавировал между ними, упорно пытаясь не вогнать пикап в какую-нибудь сосну или ель. Дрожащим от тряски голосом Олаф спросил:

– Ты говорил, что не будешь раскрывать все карты, потому что не знаешь, кто читает мои письма. Что ты имел в виду?

– А, это... – протянул Ван дер Мер. – Понимаешь ли, мы нашли внутри, в погребальной камере, множество подношений и старинных артефактов, но кое-что выглядит... новым. И не спрашивай, как это возможно.

– Может, просто курган не такой уж древний, и все тут? – пожал плечами Олаф.

– Черепки, традиционные посмертные дары, оружие, броня – не похоже, чтобы в наше время кто-то баловался насыпанием курганов с подношениями в глуши. Разумеется, на анализ я ничего пока не отправлял. Но поверь мне, кое-что выглядит новехоньким.

– Странно...

– Не то слово. В общем, сам все увидишь. Заодно и расскажешь нам, что же мы такое нашли. Не доверяю я словам Ольсена.

– Вы там лагерем встали?

– Да. Две больших палатки у озера, кое-какое оборудование, так что на первое время хватит. Позже подвезем что-нибудь посерьезнее, а пока приходится довольствоваться тем, что есть – да и мы ненадолго, дня за четыре разберемся. Продукты подходят к концу, но на одном из берегов озера есть деревенька. Люди в ней точно живут – мы видели рыбака ранним утром. Если что, купим еды у них. Не хочу закупать в Гульсвике – я там уже как следует засветился, может вызвать лишние подозрения. А если кто-то прознает, что мы без разрешения копаем...

– А как называется деревня?

– Не знаю, мы с жителями еще не разговаривали. У нас такой бардак, что они, наверное, думают, что мы приехали отдохнуть на природе. Так или иначе, на карте я их не нашел, так что деревенька очень маленькая.

Природа Норвегии осенью всегда казалась профессору Энгелену сонной и мечтательно-сказочной. Цвета и краски скользили ловко, как неуловимая мифическая химера, которую Олаф пытался ухватить за хвост одним лишь взглядом. Она кралась на золотых и коричнево-красных лапах из опавших листьев, пробираясь через земли сказочных альвов и цвергов, просачиваясь сквозь старинные легенды и ритуалы. Проезжая хвойные леса, безразличные ко всему серые спящие камни, мшистые холмы-великаны, поневоле начинало казаться, что вот-вот на гребень одного из них выедет уставший всадник в теплом меховом плаще. Существа скандинавских легенд оживали, выходя из пелены утренних туманов, чтобы населить край фьордов. В неясной, клубящейся дымке появлялись и пропадали силуэты огромных голодных турсов и злобных ётунов.

Постепенно становилось все темнее, и вскоре только лучи фар вырывали из тьмы силуэты деревьев. Ван дер Мер болтал теперь без умолку – о своей работе, о находках, о последних исследованиях и о семье в Голландии. Олаф только слушал и кивал, клевал носом. Наконец, Ламберт указал куда-то пальцем:

– Вон там, видишь? Между деревьев огни! Это наши палатки. Почти на месте.

Зевнув, Олаф посмотрел на часы. Отстегнул ремень безопасности. Дернувшись в последний раз и подпрыгнув на большом камне, машина встала, закрыв глаза-фары. Ночь наполняла лес волшебными звуками, и даже осенью они не утихали, несмотря на холод и дождь. Профессор Энгелен поехал и вышел; Ламберт одним лишь жестом предложил ему пройти побыстрее, и два ученых заковыляли к палаткам, кое-как прикрываясь от дождя. Сосны расступились и пропустили профессора на прекрасный каменистый берег, на который сонно наполнили языки волн. Там раскинулся настоящий бивак: большая палатка на манер шатра захватила львиную долю полянки перед озером, а в сторонке притаилась еще одна – «жилье» для сотрудников, с печкой внутри. Похоже, Ван дер Мер в этот раз решил собрать команду поменьше обычного. Компанию палаткам составляли тепловая пушка, сваленные инструменты, бензопила на троне из опилок, запас топлива, лапника и дров; в стороне, будто обидевшись на всех, маячил в дожде прицеп, укрытый брезентом. В нем покоилась основная часть лагерных запасов.

– Заходи, заходи, – подзывал Ламберт, приподняв полу шатра, – у нас тут местный командный пункт. Здесь все, что на первое время тебе может пригодиться, от лопаты до микроскопа.

Вздыхнув и пригнув голову, старый профессор ступил в круг искусственного света. Четыре лица повернулись к новоприбывшему. Не слишком-то много для серьезной экспедиции, но вполне годится для тех, кто не хочет привлекать к себе особого внимания. Пожалуй, тем или иным образом, Олаф был знаком со всеми членами команды Ван дер Мера: Шарлоттой Йоханссон, молодой женщиной, которая тем или иным образом находила путь едва ли не в каждую археологическую команду; Андерсом Ольсенем, историком с маленькой буквы; скрестив руки на груди, возле них сидел путешественник по кличке Як, а в самом дальнем углу расположился известный в узких кругах археолог из Австрии – Доминик Мозер.

– Ба, профессор Энгелен собственной персоной! – воскликнул Ольсен, вскочив с раскладного стула; он энергично затряс ладонь Олафа, который вяло пытался вырвать руку. – Рад, очень рад! Всегда хотел поучаствовать с вами в совместном проекте. Надо признаться, когда мистер Ван дер Мер сказал мне, что учился с вами в одном университете, я принял это за плохую шутку, но вот вы здесь!

– Оставь его в покое, – засмеялся Ламберт, – успеешь еще поработать. Господа, позвольте представить...

– Мы знакомы, – коротко кивнула Шарлотта.

– Встречались, слышан, – Як пожал Олафу руку, – почту за честь работать с вами в команде.

Он снова уселся поудобнее у самого обогревателя, пожевывая кусок вяленого мяса. За стеной шатра противно жужжал генератор. Мозер, казалось, из-за этого шума сидел как на иголках. Он нервно кивнул профессору и повернул голову к Ван дер Меру, взъерошив на голове соломенные волосы:

– Герр Ламберт, а нельзя ли сделать генератор потише? Он, право, мешает мне думать. Скоро все мысли превратятся в жужжание!

– Только если хотите остаться без света и тепла, герр Мозер, – с сарказмом ответил Ламберт.

Он взял с большого раскладного стола фонарик и проверил его, щелкнув пару раз кнопкой. Тот ответил ярким мерцанием.

– Пойдем-ка, Олаф, покажу тебе курган. Шарлотта, составь нам компанию: как-никак, ты решила, что этот холм нужно проверить.

Женщина встала, набросила на плечи теплую куртку и вышла в темноту. Профессор Энгелен и Ламберт шагнули следом. Археолог натянул капюшон на голову и направил фонарь на землю, освещая мокрую жухлую траву и рыжие иголки; Олаф поправил шляпу и поднял воротник пальто. Тишину наступившей ночи нарушало только шуршание дождя по кронам деревьев да звуки шагов трех исследователей, почти крадущихся во тьме.

– Сейчас все будет не разглядеть, – бросила Шарлотта через плечо, – но находка чрезвычайно интересная. Если что, мы несколько сотен фотографий сделали, прежде чем что-то трогать, могу потом показать. Ни я, ни Ольсен не знаем здесь ни одного крупного захоронения или даже намек на него в исторических книгах и трактатах, однако курган похож на последнее пристанище крупного военачальника, если не конунга. Более того, скелетов двое.

– Двое? – заинтересовался профессор Энгелен. – Надо думать, отец и сын, павшие в бою?

– Не угадали, профессор, – сверкнула в темноте белоснежная улыбка Шарлотты, – судя по подношениям и погребальным дарам, это мужчина и женщина.

Мрачный холм, обросший соснами, встретил людей в лесу. Сырой и скользкий, несмотря на иголки, он не желал принимать гостей, создавая ощущение чего-то злобного, затаившего обиду на весь мир, чуждого и враждебного. Пятно света от фонаря ерзало по коре сосен вокруг, и профессор с археологами стали обходить холм, пытаясь найти в темноте вырытый вход в погребальную камеру. Вскоре он показался – темный лаз, чернее самой ночи; пахло мокрой землей и старым кладбищем. У профессора Энгелена сжалось сердце. Он не любил даже по родному Осло гулять по ночам, а уж залезать в могильники в такое время суток и вовсе не хотелось, особенно после всяких вздорных историй и фильмов о призраках и оживших мертвецах.

Команда Ван дер Мера успела протянуть внутрь какое-никакое освещение, провода от которого вели ко второму генератору, сразу у входа в курган. Ламберт завел его, и тот недовольно загудел, как потревоженный шмель. Холодный белый свет ламп осветил неровный прорытый лаз в глубины холма с кое-как сооруженными подпорками. Несмотря на искусственный свет, тьма внутри захоронения не желала рассеиваться, храня тайну о давно забытых костях.

– Давайте побыстрее закончим и вернемся поближе к печке.

Ламберт стянул капюшон, и волосы на его голове приняли самую абсурдную из форм. Во мраке леса они казались слишком длинным мхом. Силуэт археолога на секунду загорел первую лампу. Свет мигнул и разгорелся снова, стоило только Ламберту пройти глубже; скрылась вторая лампа, третья... Шарлотта шагнула следом. Профессор Энгелен, вдохнув холодный сырой воздух, махнул рукой и последовал за ней. Внутри кургана пахло еще хуже, но не настолько, как Олаф себе представлял. Широкое помещение было погружено в вязкую, беспокойную тишину, нарушаемую только монотонным гудением лампочек. В яме посередине лежали подозрительно хорошо сохранившиеся скелеты; вокруг них, словно в сказочной сокровищнице, расположились дары. Любой археолог и историк счел бы такую находку за чудо – отражая свет, игриво швыряя белые отблески, на неровном полу расположились посуда: как целая, так и черепки; словно призрачные воины, утратившие тела, лежали оружие и броня – не в самом идеальном состоянии. Среди них россыпями и горстями сверкали амулеты и обереги, рунические таблички и потускневшие ювелирные украшения. Но профессора Энгелена поразило нечто другое, из-за чего он стоял с открытым ртом, не видя больше ничего вокруг – идеально сохранившийся меч со сверкающим клинком, лежащий между останков. Ни одна пылинка не смела осесть на нем, ни одного пятнышка ржавчины не появилось на лезвии.

– Откуда... откуда это здесь?! Он выглядит новым!

– Именно, – Ламберт потер небритый подбородок, – это и есть самая крупная наша находка, из-за которой-то, кстати, мы тебя и позвали. Мы тут все теряемся в догадках, а бедный Ольсен, кажется, скоро сойдет с ума. Мы набрали на что-то жутко интересное, Олаф.

– Жутко – не то слово, – Шарлотта присела возле меча и осторожно наклонилась к эфесу, – ни царапины, ни пятнышка. Ничего! Будто только что выковали!

– Здесь материалов для исследования – не на один год, – Олаф встал и осмотрел погребальную камеру; взгляд его цеплялся за каждый амулет или блестящую безделушку.

– Верно. Говорил же – сенсация! – улыбаясь, Ван дер Мер хлопнул в ладоши. – Пойдемте назад. Завтра перенесем самое интересное в лагерь и начнем работу. Нужно как следует все идентифицировать и изучить, насколько возможно с полевым оборудованием – а там получим разрешение и заберем все в нормальные лаборатории. Что скажешь, Олаф? Не зря приехали?

Профессор Энгелен ничего не ответил, в молчаливом удивлении разглядывая сверкающий клинок.

Глава 2

Дождь прекратился ближе к утру, перестав жалобно стучать по шатру. Все мирно спали в общей палатке, Олаф же остался в главной – он просматривал документы, ознакомился со списками находок, сделанными Ван дер Мером, и тихо уснул как сумел, завернувшись поплотнее в пальто и прикрыв лицо шляпой. Спустя какое-то время он проснулся от странного холода, несмотря на то, что оставил включенным обогреватель, наплевав на все инструкции по безопасности. Сонно протерев глаза, профессор сел и бросил взгляд на полог шатра. За ним – ни пятнышка, ни лучика света. Темно, хоть глаз выколи. Может, еще слишком рано? Энгелен, порывшись в кармане пальто, достал телефон, но тот не желал включаться, сколько бы ни вдавливал профессор нужную кнопку. Из-за полога раздался звук – как будто вздох, но тяжелый, будто не человеческий. Олаф поднялся.

– Ламберт?

Ответом ему стало только молчание. На необычно ватных ногах Олаф подошел к пологу и растянул его. Внутри ворвался туман, густой и странно клубящийся, будто кто-то специально напустил дыма. Снаружи не раздавалось ни звука. Чернели темные стволы деревьев, покачивая печально синими кронами в тон небу. Палатка пропала; ни озера, ни берега – только бесконечный лес, карабкающийся по склонам холмов и угрюмо смотрящий на незваного гостя. Профессор пошел было наугад, но тут же остановился. Маленький темный силуэт проступил в чаще, за одним из деревьев. Будто ребенок играл в прятки, уверенный, что его совсем не видно. Олаф сделал пару робких шагов вперед и тихонько позвал:

– Ламберт?..

Тень испарилась. Профессор Энгелен услышал частое придыхание, будто кто-то торопливо шел или бежал прямо позади него. Звук нарастал, пока не превратился в громовые раскаты, давящие на уши. Олафу показалось, что он почувствовал чье-то теплое дыхание на затылке. Профессор обернулся...

...и проснулся по-настоящему. Вскрикнув, он дернулся и свалился на землю. Ворча и пытаясь продрать сонные глаза, он, шатаясь, поднялся на ноги. Уставился на часы, но не сумел рассмотреть моргающие цифры. Тогда он схватил телефон, который лежал на раскладном столе – экран показал пять тридцать утра. Небо покрывало сплошное серое одеяло облаков, а иголки и траву даже тронуло инеем за ночь; судя по всему, день не обещал быть солнечным. Ежась, Олаф вылез наружу. Из спальной палатки не доносилось ни звука, зато что-то двигалось меж деревьев, на озере, проползая по водяной глади за колоннами сосен. Профессор Энгелен вышел на берег, слушая, как хрустят камни под подошвами. Вода ледяными волнами набегала на них, облизывала и без того ровные булыжники. Одинокая лодчонка, утлая и старая, выплыла на середину озера, а в ней сидел человек в красной шапке – с такого расстояния Олаф не мог его как следует рассмотреть. Тончайшей ниточкой тянулась леска от простой самодельной удочки. В деревне на другом берегу можно было заметить дрожащие искорки света в окнах – не то от свечей, не то от лучин. В отличие от городских неженков, люди, жившие бок-о-бок с природой, просыпались еще до рассвета.

– Ух-х-х, – тело Олафа сотрясла волна дрожи, и он подошел ближе к кромке озера.

Профессор набрал полные ладони студеной воды и плеснул в лицо. Морок неприятного, беспокойного сна улетучивался прочь вместе с ночью, и Олаф протопал назад, к шатру, чтобы взять из кармана сумки прихваченную зубную щетку и пасту. Олаф чистил зубы, глядя на рыбака, сохранявшего спокойствие атлантов; тот порой так неподвижно сидел, что казалось, будто на лодке по озеру пустили ненужную статую. Рыбак чуть приблизился к берегу, где стоял лагерь, и Энгелен, щурясь, вглядывался в грубое, истерзанное возрастом и погодой лицо. Оно походило на маску, сделанную резчиком по дереву. Олаф покачал головой; он подумал, что

резани такого рыбака ножом – и можно увидеть кольца и сосчитать по ним возраст. Ореолом вокруг бледного лица мерцала серебряная шкиперская борода. Красная шапка, кое-где дырявая, походила больше на часть головы, чем простой головной убор. В дополнение ко всему, на рыбаке висела старая куртка, протертая и потрепанная. Складывалось впечатление, что деревенские жители не слишком-то часто навещали в города поближе к железной дороге или трассам. Поплавки сидели на водной глади неподвижно, как и его хозяин.

Шумно прополоскав рот, Энгелен сплюнул белую пенящуюся пасту на круглые камни.

– Отличное утро.

Голос сзади раздался так неожиданно, что Олаф вздрогнул и обернулся. Улыбнувшись и кивнув, Як встал рядом и потянулся.

– Я бы сейчас не против присоединиться к тому мужичку, – сказал он, глянув в сторону рыбака, – жаль, что мы тут не просто так отдыхаем, а в могилах копаемся. Хоть и древних.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.